

О.А. Курбатов (Москва)

ЗАПАДНЫЕ ВОИНСКИЕ ОБЫЧАИ В РУССКИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ СЕРЕДИНЫ XVII ВЕКА: ПУТИ ПРОНИКНОВЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ БЫТОВАНИЯ*

ВХОДЕ ВОЕННЫХ РЕФОРМ, начавшихся в России с 1630-х гг. и призванных вывести вооруженные силы на европейский уровень, началось тесное знакомство русских людей с ратными обычаями Европы и проникновение последних в служебный обиход. Усвоение элементов военного церемониала, конечно же, не приняло того широкого размаха, как в петровское время; предлагаемое сообщение призвано наметить некоторые пути этого проникновения и обозначить рамки и формы существования европейских военных обычаев в русской армии того периода.

Непосредственная деятельность иноземных начальных людей

Начнем с того, что западные ратные традиции свободно бытовали в частях царского войска, состоящих из «немцев» – имеются в виду конные роты служилых иноземцев, просуществовавшие до середины XVII в.¹ Их чином было предоставлено право самим выбирать себе начальных людей, а ротмистрам – составлять проекты знамен² и, по-видимому, росписи необходимого снаряжения и штаты музыкантов. Надо полагать, что и в отношении прочих вопросов внутреннего устройства служилые иноземцы пользовались значительной автономией.

При создании полков «нового строя» «немцы» вполне естественным образом принесли в них не только свои специальные военные знания, но и старые традиции и обычаи. Вообще, действия первых солдатских или рейтарских частей русской армии правомерно рассматривать как добросовестное воспроизведение образа боя соот-

* Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 15-01-00464 «Обряд войны: воинские традиции и обычаи в Московской Руси XV–XVII вв.».

ветствующих родов войск (инфантерии и кавалерии) национальных армий Западной Европы. Столь разные по значимости действия как способ ведения стрельбы или манера салютации старшему начальнику преподавались иноземными офицерами и воспринимались русскими людьми как вполне равноценные составляющие иноземного «ратного строя» – с требованием обязательного их исполнения.

Яркое описание не чисто уставных, а реальных действий обычного солдатского подразделения XVII в. содержится в следственном деле о неудачном штурме Копыси (1661), который был предпринят без государева указа и потому стал предметом разбирательства царского чиновника³. Дело в том, что воеводы и офицеры обвинили во всем самих солдат из солдатского полка Николая Фанзалена, якобы самовольно пошедших в атаку при виде пожара в крепости, а те сплоченной массой отвергли этот навет и били челом на своих начальников. В итоге для допроса на очную ставку были вызваны одни из важнейших действующих лиц любого боя – ротные урядники (каптенармусы, подпрапорщики и барабанщики) – и это дает уникальную возможность взглянуть на подробности штурма их собственными глазами:

«И каптинармосов 12 ч. сказали:

Как де в городе от пушечные стрелбы загорелось, и полковник де, и маеор, и начальные люди велели им к приступу порох давать, и они де пороху салдатом раздали и ходили на приступ все.

[Под]прапорщики 12 ч. сказали:

Как де в городе пожар учинился, а они де в то время были в таборах, и к ним прибежал маеор Онтон Рейн, и взяв их со знамены, привел к полковнику к Миколаю в шанцы, и полковник де, взяв их, пошел к городу на приступ. И приведчи их под город, поставил от Днепра против Наугольные башни, а сам ходил на приступ и в город ручные гранаты метал, а салдатов от города не отбивал.

Барабанщиков 12 ч. сказали:

Как де от гранатной стрельбы в городе учинился пожар, и полковник де из шанец прислал по салдат сержантов, и сержанты, взяв салдатов, привели к шанцом.

И полковник де велел им, барабанщиком, на приступ бить в барабаны и пошел сам к городу наперед, а они де пошли за ним. И пришед под город, поставил их от Днепра против Наугольные башни...».

По всему комплексу документов последовательность событий представляется таким образом. Имея повеление склонять жителей

Копысы к сдаче моральным давлением и артиллерийским обстрелом, воевода повел к городу шанцы и велел полковнику Фанзале-ну обстреливать его гранатами и калеными ядрами. Запалив один из дворов удачным выстрелом (уже глубокой ночью), полковник немедленно начал штурм собственным полком: неясно, с согласия воеводы или же на собственный страх и риск. Из шанцев, где стояла его батарея, он послал майора в лагерь за ротными знаменщиками, а ротных сержантов – за солдатами, чтобы вывести их на исходные позиции. Достигнув переднего края, знаменщики с развернутыми знаменами и барабанщики всей группой собрались при полковнике, а каптенармусы раздали солдатам боеприпасы. После этого солдаты с лестницами, «закричав ясаком», и под барабанный бой двинулись на приступ; офицеры пошли позади строя, поддерживая порядок в ротах. Однако, если собственно бойцы, включая самого полковника, бились на стене, то все сигнальщики и подпрапорщики были помещены в относительно безопасном (судя по отсутствию потерь) месте «от Днепра против Наугольные башни». В случае успеха или же неудачи штурма командир мог вновь призвать их к себе, чтобы отдать соответствующие сигналы рассеянным в ночном бою частям. Таким образом, барабанный бой и построение у ротного знамени – базовые части западноевропейского пехотного церемониала – в боевой обстановке оказываются необходимыми элементами солдатской тактики.

В целом описанные выше задачи различных чинов и общая манера действий пехоты «нового строя» полностью аналогичны европейским. Известный «военный учебник» «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» – единственное на тот момент печатное руководство «солдатского строя» на русском языке – не содержит никаких инструкций на случай приступа, так что вся картина ночного штурма – это результат непосредственных усилий самих иноземных специалистов русской службы.

Выявление связи с боевой практикой помогает определить смысл и происхождение ряда других моментов военного церемониала русского «иноземного строя». В частности, размещение знамен на валах осадных шанцев вызывалось необходимостью обозначить место сбора роты в случае внезапной вылазки неприятеля. Служа хорошим ориентиром бойцам, рассеянным по осадным работам и укрытиям для отдыха, отрядная хоругвь привлекала и особое внимание противника, что увеличивало риск ее потери. Показателен эпизод осады Смоленска польскими войсками (1609–1611), когда знавший вра-

жеские обычаи царский служилый «венгерец» подучил смолян пробраться на другой берег Днепра и захватить знамя из шанцев роты венгерских гайдуков. Автор польского дневника возлагает ответственность на «неосторожность поручика» этой роты и «беспечность пехоты»: лишь пьяный хорунжий попытался отбить свое знамя, но был ранен. В наказание поручик был приговорен к смертной казни, а 72 рядовых – к тому, чтобы первыми идти на приступ в случае штурма⁴.

Нечто подобное наблюдается и в русских окопах с первых лет войны 1654–1667 гг.: так, при осаде крепости Озерищи (под Полоцком) литовцы произвели удачную вылазку 2 сентября 1655 г. на шанцы майорской роты заонежского поселенного солдатского полка Томаса Гейса. По отчету воеводы г. Полоцка, в бою погибло четыре и было ранено одиннадцать бойцов (включая отрядного воеводу), попал в плен новгородский стрелец – «Да взяли, Государь, знамя салдацкое». Выяснив причину потери: «В тех шанцах в то время караул был плох», – воевода велел «учинить наказание» всем солдатским начальным людям озерищенского отряда⁵.

Однако в условиях обычной внезапности вылазок риск потерять стяги, гордо реявшие в осадных шанцах, был всегда велик, что подтверждается эпизодами ряда других осад того же времени⁶. Ввиду этого, кстати, даже сведения о десятках ротных знамен, захваченных осажденными у «московитов», указывают на стремительность и внезапность первого натиска вылазки (или о недочетах караула), но ничего не говорят о реальных боевых потерях в ходе ее отражения – тем более, не может быть и речи о полном разгроме пострадавших полков. Это в полной мере относится к известному эпизоду осады Риги царем Алексеем Михайловичем – вылазке на шанцы князя Я.К. Черкасского 2 октября 1656 г., когда шведам удалось захватить 17 знамен. Утверждение шведской реляции о полном разгроме при этом всей пехоты Большого полка князя Черкасского (семи солдатских и драгунских полков)⁷ не подтверждаются русскими документами той осады⁸. Потеря ротных знамен вновь объясняется лишь плохой организацией караульной службы при них в условиях свертывания осадного лагеря, а также удачным выбором момента вылазки.

Впоследствии, наученные горьким опытом, царские офицеры стали уделять вопросу охраны знамен особое внимание. В частности, в момент наиболее ожесточенной борьбы под азовскими стенами в августе 1695 г. так поступил генерал Патрик Гордон: «Я приказал про-

вести еще 2 траншеи на участке атаки стрельцов. Я велел укрепить место вдоль окопа для размещения солдатских знамен и подвести mortирные орудия ближе»⁹...

Таким образом, первый путь проникновения в русский служебный обиход западных военных обычаев – исполнение иноземцами своих обязанностей командиров частей «нового строя». В процессе этой деятельности нередко возникали конфликтные ситуации, поскольку она вступала в противоречие с устоявшимися взглядами русских служилых людей. И ярким примером этого могут вновь послужить обстоятельства, связанные с ротными знаменами полков «нового строя».

В русском войске того времени существовало заметное отличие в почитании больших воеводских, так называемых «государевых полковых» знамен и знамен небольших отрядов, таких, как сотня, станица, а затем – и рота «нового строя». Древний, еще византийский обычай освящать ратные хоругви и относиться к ним как к святыням распространялся в сознании ратных людей только на воеводские знамена. Их охрана доверялась специально назначенному «голове» из знатных дворян или детей боярских и целому отряду из всадников и даточных людей. По-видимому, только на воеводских знаменах поначалу помещались иконографические изображения и священные тексты, тогда как сотенные флаги несли только контуры православного «осьмиконечного» креста или даже чисто декоративные сюжеты. Вообще, сам характер рисунка сотенных знамен не имел большого значения, представляя собой лишь род отличительного значка: так что и дворяне, и казаки могли пользоваться трофейными знаменами, только что взятыми у противника¹⁰; в то же время, дьяки Оружейного приказа не видели ничего зазорного в выдаче в полки «нового строя» польских солдатских знамен¹¹. Однако для служилых «немцев» любое знамя являлось предметом почитания и бережного отношения – как в боевых условиях, так и в мирное время. В отличие от старых московских войск, в полках «нового строя» уход за отрядным знаменем доверялся не захудалым бойцам, а «чиновным людям» – прапорщику (офицерский чин) и подзнаменщику (урядничий чин).

Показателен эпизод из дневника Патрика Гордона, когда подьячий Дворцового приказа, решивший насильно выселить иноземца из занимаемой им квартиры, опрометчиво «схватил одно из полковых знамен, висевших на стене, чтобы вынести оное». От этого все офицеры пришли в состояние крайней ярости и выгнали подьячего с его

помощниками из помещения, причем воспользовались не чем иным, как знаменными древками – оружием, адекватным палкам приказных служителей (нижняя часть древка, ниже «яблока», могла отделяться от знамени и храниться в походном состоянии отдельно)¹².

Сходный случай описан в челобитной майора комарицких драгун Ягана Герина, относящейся к январю 1647 г. – самому началу существования поселенных полков Комарицкой волости¹³. Тот «по извычаю ратного строю» учредил караулы у ротных знамен своей «шквадроны», причем знамена и сами караулы должны были постоянно находиться во дворах, и по ночам перед ними поддерживался огонь. Обходной караул обнаружил, что в роте поручика Адама Адамова это правило не соблюдалось – караульщики все спят в избе пьяными, «а твое государево знамя в избе на полатех». Зачинщиками конфликта были объявлены капрал или «сотник» драгун Клим Данилов «со товарищи», которые отказывались слушать указы майора-«немца» и содержать караул, «как ведеца в ратном строю салдацком»¹⁴. В челобитной обращает на себя внимание то, что майор делает упор на формальное соблюдение уставных требований и величает ротное знамя «твоим государевым знаменем». Как раз в это время, в 1646–1647 гг., в полках по южной «украине» выполнялось требование Алексея Михайловича придать должный высокий статус сотенным знаменам и их знаменосцам-«знаменщикам» – практически до уровня сотенных голов. Майор Герин не мог не знать об этом деле, наделавшем много шума (челобитье знаменщиков о «бесчестии», указ о ссылке в Сибирь за их оскорбление и обещание повышенного жалования)¹⁵, и поэтому постарался в своей челобитной всячески подчеркнуть факт оскорбления государева знамени и невыполнение обряда ратной службы в целом.

Подобного рода конфликтные ситуации возникали и на уровне командования: между русскими воеводами или начальными людьми и старшими офицерами из иноземцев. Одним из частных вопросов стала практика конных «отводных караулов» вокруг осадных или оборонительных позиций царского войска. Еще в эпоху Смуты размещение дежурных конных сотен для охраны подступов к лагерю было уставным требованием, прописанным в воеводских наказах: «А приход на станы, и на станех стоять с великим береженьем, и около надолб в день и в ночь ставить сотни, в которых местех доведетца»¹⁶. Иноземные же офицеры по обычаю, принятому в своих армиях, стали прибегать к помощи новообразованных частей рей-

тарского строя, причем в четком соответствии с современными им кавалерийскими уставами – к чему рейтарские командиры оказались явно не готовы.

Уже в 1654 г. большая часть рейтарских начальных людей была набрана из русских дворян, прошедших подготовку в рейтарском полку И. Фанбуковена (1649–1653 гг.). В ночь на 7 июля 1654 г. «старший полковник» Аврам Ильич Лесли разместил перед осадным лагерем своего полка, под смоленскими стенами, две временно приданных ему роты рейтар. Под началом ротмистров Семена Скорнякова-Писарева и Дмитрия Дурова они простояли на той позиции до рассвета, но с большими сложностями: в полночь отряд из польского гарнизона подполз к ним лесом и обстрелял из мушкетов. Рейтары ответили залпами в темноту, а затем, «замаяв», спаслись в «земляной городок» полка Лесли. Однако противника быстро отогнали, и полковник выслал рейтар обратно. Справедливо опасаясь, как бы не понести потерь от стрельбы со смоленских стен, ротмистры дважды просили Лесли «свести» их с опасного караула – «и он де их не свел, велел стоять». Рейтары покинули свой пост только на рассвете, когда по ним действительно открыли огонь из крепостных пушек и мушкетов, и отправились напрямиком в расположение своего воеводского полка¹⁷. Все описание этого ночного предприятия в «сказках» самих ротмистров выглядит как малопонятное для них приключение, хотя и прошедшее без потерь – урядник же из полка Лесли отметил, что «подле них райтарской караул впервые»¹⁸.

Через семь лет, летом 1661 г., на подобной же практике конных караулов за счет рейтар Новгородского разряда настаивал генерал-поручик Томас Далиэль – старший офицер пехоты в армии боярина князя И.А. Хованского. Не встретив понимания у своего воеводы, генерал-шотландец и еще два старших полковника этой армии сочинили особые «статьи о ратном строении» и передали их самому царю. Вообще, Далиэль, известный своим резким нравом, нередко лично приезжал в Москву и добивался своего при Дворе или в Иноземском приказе – авторитет ветерана и рекомендации короля Чарльза II открывали ему самые высокие двери. Среди прочих, в «статьях» 1661 г. содержались требования по поводу организации полевой караульной службы: «Чтоб боярин и воевода приказал государевых конных людей на карауле ставить в лутчем строе, а за их бы шанцами и за пехотными отводными караулы (за хребтами)¹⁹ они были не поставлены, потому что в ыных войсках того не ведетца, и чтоб им

по дорогам в розъезд ездить и в посылку посылать...»²⁰ По-видимому, оберегая свою потрепанную в предыдущих походах и упавшую духом конницу²¹, боярин не решался регулярно выводить ее в поле, утомляя службой в охранении и «посылками» для разведки и сбора продовольствия – что перекладывало всю тяжесть этих обязанностей на новоприборную «неученую» пехоту и вызывало законное неудовольствие иноземных офицеров. Здесь, в «статьях», замечательна прямая ссылка на порядки «иных» европейских армий.

Сходными причинами было вызвано непонимание князем Хованским важности постоянных строевых упражнений всей армии: «Чтоб боярин и воевода все войско, конницу и пехоту, велел ставить в лаву²² почаству, чтоб против неприятеля знали, в лаву ставитца как ведетца»²³. Оба предложения: о порядке полевой службы и регулярных строевых учениях – были безоговорочно приняты Алексеем Михайловичем и обрели силу его собственного постановления.

Упомянутые конфликтные или проблемные ситуации (с майором Гериным, полковником Лесли и генералом Далиэлем) хорошо показывают, что доверие к иноземным начальным людям во всех вопросах, касающихся их непосредственной компетенции (прежде всего, порядка службы) было в то время почти безграничным – они воспринимались как живые носители западного ратного искусства и воинских обычаев и, собственно, за это и ценились.

Деятельность руководства вооруженными силами

Основательно взявшись за изучение западного ратного дела, руководство вооруженными силами (начиная с самого царя Алексея Михайловича) не ограничило себя только практической его стороной, но проявило живой интерес к его «философии» в целом и церемониалу в частности. Подтверждение этому – блестящий перевод и издание крупным тиражом «военного учебника» Якоби фон Вальгаузена «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» (1647), труда, встреченного с большим интересом как в думской среде, так и у служилых людей среднего звена. Среди прочего, отдельная глава этой книги описывала процесс отдания чести полковнику или генералу мушкетерами, офицерами и пикинерами солдатского полка. Обращаясь к авторитетным иноземцам русской службы по вопросам устройства армии, правительство постоянно консультировалось у них и по поводу западных ратных обычаев²⁴.

В результате уже в середине XVII в. все многочисленные церемонии и торжества придворного, военного или посольского характера, к участию в которых привлекались ратные люди (особенно «нового строя»), стали включать в себя элементы западноевропейских воинских обычаев. При этом общий «сценарий» и смысл этих церемоний, будь то выступление в поход, государев смотр или «посольская стойка», оставался самобытным – «новый строй» лишь искусно вплелся в этот сложный узор, в виде особого построения, порядка марша, отдания воинских почестей и салютов. Вот, к примеру, описание парадного шествия ратных людей армии князя А.Н. Трубецкого из Москвы на службу в Брянск (март 1654 г.): Первыми проходили мимо Государя дворяне и дети боярские конных сотен, которые, поравнявшись с царским местом, слезали с коней и земно кланялись Алексею Михайловичу. Следом «голова шел Яков Ефимьев с своим приказом, а перед ним шло капральство ево ж приказу, а за ним шел приказ его весь. А перед сотнями шли сотники, а перед пятидесятью пятидесятники с протазаны, а перед сотнями и перед пятидесятью шли знаменщики з знамены и барабанщики с барабаны и по барабаном били. А рядовые стрельцы пятидесятью шли строем: шеренгами и рядами в четыре человека, – в шапках, для того, что во всех окрестных государствах перед великими государями солдаты или стрельцы рядовые на походе шапок не снимают, а поклоняютца одне начальные люди». Соответственно, при прохождении мимо царского места рядовые стрельцы не снимали головных уборов и не задерживались для поклонов Помазаннику Божию, а кланялись до земли лишь их командиры. Так же поступали солдаты всех восьми полков, за которых отдавали честь их офицеры²⁵.

Из пояснений церемониала видно, что отмена традиционных поклонов Государю со стороны рядовых пеших ратников была проведена в 1654 г. впервые, по образцу аналогичных парадов «окрестных государств», что предполагает специальное изучение этой проблемы путем опроса посланников и иноземных офицеров. Но замечательно, что через 30 лет этот уже устоявшийся в русской пехоте церемониал не был воспринят генералом-иноземцем как иностранный: в 1687 г. Патрик Гордон, представлявший только что вверенный ему Бутырский выборный полк солдатского строя царям Иоанну и Петру Алексеевичам, записал в своем дневнике: «Вступив на двор в добром строю, как только появился на виду Их Величеств, я обнажил голову (по обычаю сей страны). Поравнявшись с окнами, откуда Их Вели-

чества взирали сверху, я развернулся влево с теми, кто вокруг меня нес мой герб, и сделал три низких поклона. Те же, кто ехал верхами, и солдаты не брали на караул, но продолжали марш; в этом месте салютовали и склонялись только знамена, по принятому у [русских] манеру»²⁶. Вполне очевидно, что церемониал 1654 г., основанный на неких обобщениях, далее не менялся в соответствии с новыми требованиями западной моды, и Гордон со всем своим опытом иностранной службы и знанием обычаев многих европейских армий уже рассматривал его нормы как чисто «московские».

Еще одним новшеством парадов Первого государева похода Алексея Михайловича (1654) стало совмещение, в майском выступлении на Смоленск, старомосковских церемониальных элементов, основанных на описании похода князя Дмитрия Донского против Мамаю²⁷, с порядком марша и воинским убранством современных западных и польско-литовских войск. К примеру, открывали все шествие оба драгунских полка главной армии: драгуны, согласно западным нормам, в походе крупного войска являлись своего рода «пионерами», первопроходцами, исправляя для конницы мосты и гати, разбивая воинские станы и защищая их легкими полевыми укреплениями. Но конкретно 18 мая 1654 г. присутствовал элемент чистой церемонии: головной драгунский полк Антония Грановского, приданный осадной артиллерии (полку Большого государева Наряда), по переходе в Замоскворечье должен был остаться в Москве еще на десять дней; второй полк, комарицкие драгуны Клавдиуса Деспевилля, отправился в поход в составе Государева полка – но опять же не впереди всей армии. По-видимому, здесь мы имеем еще и дело с почетом, оказанным полковнику первой части, французу Жану Де Грону, за его переход в Православие и особое доверие как инженеру и артиллеристу²⁸.

Церемониальная творческая активность молодого Алексея Михайловича не довольствовалась рамками лишь его личных выходов. В том же году, еще зимой, после торжественного освящения орудий и благословения пушкарей в Вязьму из Москвы отправились все сорок пищалей осадной артиллерии. Вяземскому воеводе князю И.А. Хованскому было послано подробное предписание о порядке торжественной встречи воевод, ратных и посошных людей и орудий. При достижении Большим Нарядом «подхожего стана» князь должен был отправить за две–три версты от города своего «товарища», воеводу Ивана Еропкина, «а с ним велел быти на встрече головам с сотнями, и в сотнях велел быти дворяном и детям боярским и казаком конным,

и з головами стрелцом с пищальми и з знаменами и з барабаны». Со своей стороны, воевода Наряда Ф.Б. Долматов-Карпов получил указание с того же «подхожево стану... итти строем», а стрельцов разместить «около Наряду с ружьем». Чтобы не получилось никакой задержки, на замену стрельцам для транспортировки орудий специально высылались вяземские посошные люди. Весь этот парад лишь предварял церковное торжество: у самой Вязьмы городской протопоп «с соборены» встречал Наряд за воротами на Московской дороге и кропил святой водой пищали, воевод и ратников; затем при приближении орудий к месту стоянки в Предтечевском монастыре архимандрит, протопоп и священники обитатели начинали служить водосвятные молебны с колокольным звоном, благословляли крестом ратных людей и также кропили святой водой их и царский Наряд²⁹. Не исключено, что прибытие осадных орудий из Вязьмы к Смоленску летом 1654 г. и размещение их на позициях сопровождалось подобными же парадами и священнодействиями.

Вместе с тем отметим одну важную общую черту всех подобных шествий в 1650–1660-х гг.: отсутствие каких-то чисто парадных, декоративных элементов военного церемониала, не имеющих боевой ценности. В Западной Европе к тому времени начала распространяться мода на превращение армейских парадов в настоящие представления, когда солдаты разучивали строевые приемы и маневры, излишние в условиях реальной баталии. Напротив, при царе Алексее Михайловиче все шествия и выступления царской пехоты «со знамены и барабаны» имели чисто уставный вид, вызванный практическими требованиями солдатской тактики. Солдатские и стрелецкие части строго следовали писанным и не писанным правилам походного марша³⁰, демонстрируя царю или воеводам свою обученность и дисциплину. Так, в марте 1654 г., когда один из солдатских полков войска князя А.Н. Трубецкого (Николая Фанстадена) опоздал к торжественному проходу через Кремль, Алексей Михайлович задержал его и в наказание велел «тешить себя» строевыми эволюциями напротив своего кремлевского дворца, на замоскворецком лугу³¹. При всей непосредственности этого наказания оно имело все тот же смысл – усвоить воинскую дисциплину во всей ее строгости. Драгуны Грановского, проходя Кремль в 1654 г., везли казенные драгунские мушкеты с вынутыми из замков кремнями и без шомполов в ложах в соответствии с требованиями «техники безопасности» при сопровождении артиллерийских запасов в походе³² – но на параде

они лишь демонстрировали свое знакомство с этими правилами, реально приступив к охране Наряда только через несколько дней.

Зачастую выступления полков перед Государем имели характер демонстрации боевой мощи, что имело немаловажное значение для поднятия морального духа всей армии. Особенно показателен в этом плане смотр на Девичьем поле 3 февраля 1664 г. – в преддверии возможного царского похода против польско-литовской армии Яна Казимира, вступившей уже в границы России. Солдатские полки: Второй выборный Матвея Кровкова, генеральский Томаса Далиеля и другие части, – стояли развернутой боевой линией, окруженные цепью рогаток: как на поле реального боя с польско-литовской армией. По прохождении перед царем конных сотен «с поля с обеих сторон начала наступать пехота во ополчении», неся перед собой рогатки, как в настоящем сражении. После примерного наступления полки трижды, по очереди, дали залпы в сторону Земляного города; эффективность учения была усилена видом и стрельбой 14 орудий Большого Наряда и роскошью московской дворянской конницы³³.

Однако общие тенденции западной культуры, носителями которой являлись прибывавшие на царскую службу офицеры, вскоре стали оказывать влияние и на самого царя. В качестве одного из первых проявлений этого влияния можно назвать «немецкое платье» полковых музыкантов – барабанщиков и «сипошников» (флейтчиков)³⁴. Известно, что во Втором выборном полку (Бутырском) «немецкие кафтаны» у ротных барабанщиков появились не позднее марта 1662 г. и продолжали изготавливаться вплоть до конца столетия³⁵. Отметим, что это известие – уникальное для полков «нового строя»: даже барабанщики и сиповщики Первого выборного полка еще долгое время продолжали носить обычные «государевы зипуны» своих ротных цветов. Так что, пояись русские музыканты в немецком платье в частях с иноземными полковниками и генералами, это объяснялось бы личной прихотью командиров, но в Дворцовом полку³⁶, состоявшем целиком «из русских людей», подобное новшество следует связать с требованием самого царя или его ближайшего окружения. По-видимому, это все же определенная дань европейской моде, где яркий наряд сигналистов являлся органичной частью «солдатского строя»...

На одном из зимних смотров 1664 г. (14 января) Стремянной стрелецкий приказ, выборные полки и другая пехота проводили примерную стрельбу перед царским местом на том же Девичьем поле. По

словам П. Гордона, о полке майора Д. Крафферта: «Когда все закончили, мы сперва выстрелили из своих шести орудий, потом из мелкого ружья, каждый эскадрон отдельно и все словно единым выстрелом; во второй и третий раз – так же. Сие настолько понравилось Его Величеству, что он приказал нам дать еще один залп, и мы сделали это весьма успешно»³⁷. За эффектный прием, не имевший практической ценности³⁸, утешенный Государь даже пожаловал офицеров полка своим «царским столом» (обедом).

Со временем интерес к изысканному строевому церемониалу в придворной среде продолжал расти. Тот же Гордон, вступив в командование Бутырским полком, устроил в 1687 г. перед царями парадное шествие, достойное лучших гвардейских частей европейских стран. Побывав дважды в Англии в качестве царского посланника, он имел возможность ознакомиться с придворным военным церемониалом сент-джеймского двора; активные международные связи позволяли получить нужные сведения и по другим армиям. Расцвет подобных церемоний в русских войсках пришелся уже на петровскую эпоху.

Своеобразным совмещением старого обычая торжественной стрельбы в честь военных побед³⁹ и нового строя стала практика салютования русской пехоты в крепостях и боевых частях. В 1657 г. воевода боярин В.Б. Шереметев, находившийся с полком в Борисове, получил указание отметить торжествами победу, одержанную 16 сентября 1657 г. войсками князя И.А. Хованского над шведами под Гдовом. По словам литовского посланника Стефана Медекши, 10 или 11 ноября 1657 г.: «Дали знать... что под Псковом шведов несколько тысяч разбито, палили на валах, а пехота вся стреляла, «презентуя» (стоя «на караул». – *О. А.*) по городу и замку...»⁴⁰. Несомненно, солдатские или даже стрелецкие отряды соблюдали при этом весь порядок своего парадного строя; вообще, порядок салютации был кратко описан в «Учении и хитрости» (глава 11 восьмой части, «Про стрелбу, которая для почести, или поздравление бывает») ⁴¹.

Порядок строевой, караульной и походной службы: источники происхождения отдельных обычаев

Во время походной или гарнизонной службы церемониал неотделим от практических действий, в плане чего интересен новый порядок сторожевого охранения, вошедший в обиход традиционной московской пехоты (стрельцов) под иноземным влиянием и подробно описанный в изветной челобитной переяславского воеводы

В.Д. Мясоедова на стрелецкого полковника В. Полуехтова (1686). В тот момент в малороссийском Переяславле были усилены меры охранения от возможных татарских набегов, и пренебрежение полковника своими обязанностями по содержанию караула вызвало реакцию осадного воеводы. «И по вашему, Великих государей... указу в верхнем городе Переясловле к ночному времени для бережения города я, холоп ваш, начальным людям отдаю слово, а начальные люди то слово отдают полковником и полуполковником и своей братье начальным людям и урядником и пятидесятником и десятником, которые стоят в тех числах на караулах. И в ночное, Государи, время от меня, холопа вашего, посылаютца по верхнему городу Переясловлю начальные люди руном с тем словом для обережи верхнего города Переясловля и для досмотру короулов, чтоб были караулы опасны, и неприятельские б люди тайным обычаем ночью порою в город Переясловль не вошли и дурна какова не учинили, потому что город Переясловль стоит от неприятельских лежей в ближних местех».

«Рун», в данном случае – это «рунд», или обходной (круговой) караул, проверяющий исправность караулов постоянных; во избежание ошибки по ночному времени караульные рунда обменивались особым паролем («словом») с часовыми на местах; каждую ночь условный пароль менялся во избежание вражеского обмана. Как описано в челобитной, воевода отправлял офицера со «словом» к командиру той части, чья очередь была заступать на караулы. «И в нынешнем же, Государи, во 194-м году августа в 4-м да в 6-м числах, приняв у меня, холопа вашего, то вышепомянутое слово, капитан московских стрельцов стольника и полковника Володимерова полку Полуехтова Василей Ретькин, и с тем словом ходил он, Василей, для отдачи того слова к нему, Володимеру Полуехтову, на двор. И он де, Володимер, в тех числах у него, Василья, слова не принял неведома для чего. И о том он, Василей, подал мне, холопу вашему, в Переясловле в приказной избе за рукою две скаски. А в тех, Государи, числах по городу стояли на короуле иво, Володимерова полку, стрельцы без слова и без руна. И я, холоп ваш, в те ночи был в великом опасении, и в причинных, Государи, ближних местех короулов осматривал я, холоп ваш, сам, а в ыные места посылал для досмотру короулов капитана Василья Ретькина, чтоб короул был в великой осторожности...»⁴². «Сказки» Редькина, публикуемые в приложении, замечательны дополнительными подробностями сурового устава караульной службы: в частности, отдача «слова» происходила в первом часу ночи;

обязанность капитана, отправляемого по своей очереди «со словом», называлась несением «плечевого караула»; на отговорку «человека» Полуехтова Васьки Колмыка, что «велел де тебе столник и полковник сказать, что он спит, и слово принесть велел завтра», Редькин строго ответил, «что завтра будет другое слово». Интересно, что две разновидности «кругового хода» описаны в «Учении и хитрости ратного строения пехотных людей», однако относятся они к охране полевого лагеря и в подробностях не совпадают с обозначенным в челобитье Мясоедова⁴³. Следовательно, порядок несения городских караулов был либо описан в инструкциях Иноземского и Стрелецкого приказов, либо усвоен стрельцами за годы совместной службы в одних гарнизонах с полками «нового строя». Вообще, наблюдение за рядом парадных и служебных церемоний позволяет заключить, что их источниками служили сведения, полученные непосредственно от иноземных специалистов – наставлений «Учения и хитрости», при всей их подробности, в ряде случаев было просто недостаточно.

Вместе с тем ряд обычаев, принятых в полках «нового строя» и в Иноземском приказе, при всей их схожести нельзя считать «иноземными» – их источниками стала собственно русская боевая и приказная практика. Одной из ярчайших подобных церемоний, несомненно, является процедура проверки профессиональной пригодности иноземных военнослужащих при зачислении их на службу в Иноземском приказе, известная с 1646 г.⁴⁴ Вне зависимости от чина и заслуг любой иноземец обязан был в присутствии главы Иноземского приказа и его доверенных лиц продемонстрировать свои личные навыки в обращении с мушкетом и пятиметровой пикой; кавалерийские офицеры показывали умение командовать уже обученной рейтарской ротой⁴⁵. Необычность подобного испытания лучше всего видна по реакции новоприбывшего с польской службы майора Патрика Гордона, выплеснутая на страницы его дневника: «7 [августа 1661 г.]. Утром боярин Илья Данилович Милославский... велел мне явиться после полудня на загородное поле под названием Чертолье и привести других офицеров, кои прибыли со мною. Добравшись до поля, мы обнаружили, что боярин нас опередил. Он велел нам разобрать пики и мушкеты (бывшие наготове) и показать, как мы умеем владеть оружием. Я с удивлением сказал ему, что если бы знал об этом заранее, то прихватил бы одного из моих слуг – тот, возможно, обращается с оружием получше меня – и добавил, что владение оружием – последнее дело для офицера, а самое существенное состоит в

руководстве. Прервав меня, он заявил, что даже лучшие из полковников по прибытии в эту страну должны так поступать. Я ответил: “Раз уж такой обычай, я готов”, – и, управившись с пикой и мушкетом во всех позах к его полному удовольствию, вернулся домой»⁴⁶. Данный экзамен был связан со спецификой солдатского строя в России того времени, когда иноземному офицеру приходилось больше заниматься интенсивным обучением вновь поступающих в полки новобранцев, а не вести боевые операции. Наличие пачки патентов и рекомендаций о славной службе не могло восполнить неспособность подготовить вверенных ему солдат к бою.

Кроме того, ряд дисциплинарных правил, бытовавших в полках «нового строя», вводился вследствие походной практики самой русской армии, а не под влиянием иноземных норм. Так, в мае 1655 г. «иноземцы» из бывших конных рот, зачисленные в рейтарский полк Дениса Фанвисина (армия воеводы В.В. Бутурлина), были возмущены замечанием русского трубача о запрете пить пиво во время переправы войск через реку Сейм. Трубач сослался на «боярской приказ... что не пить», но рейтары заспорили: «Память ли де у тебя о том есть, или сабою говоришь?», – высказав несогласие с таким вполне очевидным в тех условиях запретом⁴⁷. Другой, также естественный в походных условиях «заказ... чтоб государевы всякие ратные люди в таборех корабины и пистоли чистили с великим бережением и с рассмотрением», сводными командами за пределами лагеря, был вызван несчастным случаем – ранением «в брюхо» солдата его однокашником-рейтаром при чистке заряженного «еще дома» кремневого пистолета⁴⁸.

Переговорный контакт с противником

Многoletний боевой и переговорный контакт с противником в зоне постоянных боевых действий – третий путь проникновения западных военных традиций и церемоний. Чтобы находить общий язык с представителями враждебной стороны, поневоле приходилось изучать принятые у поляков или шведов нормы поведения и при необходимости следовать им. Так, в 1656 г. при переговорах о сдаче Дерпта шведское командование выдвинуло ряд условий капитуляции, подлежащих рассмотрению, боярину князю А.Н. Трубецкому со товарищи. Первым пунктом шла подробная запись об условиях выхода гарнизона: «Дозволяется г. губернатору Дерпта, а также всем обер- и унтер-офицерам, со всем штабом и штатом, пушечной и артиллерий-

ской прислугой, а также всеми солдатами пешими и конными, и кому их состояние или условия это позволяют, под рукой великого князя остаться не желают, вместе со всеми их женами и детьми, дворовой и домашней челядью, мешками и тюками, повозками, лошадьми и багажом и всеми пожитками, с развевающимися знаменами... с «верхним» и «нижним оружием»⁴⁹, пулями во рту, [взведенными] курками на пистолетах, горящими фитилями, свободно и беспрепятственно выйти и быть отконвоированными до ближайшего населенного пункта»⁵⁰. Неизрасходованные боеприпасы, полковые пушки, документы государственных учреждений и даже университетская библиотека подлежали вывозу на шведскую территорию, а местные жители, пожелавшие покинуть город, с имуществом свободно выпускались. Все это полностью соответствовало понятиям почетной капитуляции: были оговорены даже такие случайности, как случайный выстрел шведского воина, что не должно было «считаться за браваду» или провокацию. Ни одно из предложенных условий такого порядка не вызвало возражений русских воевод⁵¹, так что весь нужный им церемониал шведы выполнили.

В следующем году, в конце июля 1657 г., уже сами шведы осадили небольшую крепость под Юрьевом Ливонским – Кастер (Kasterskans). Ввиду внезапности атаки надежды на выручку не оставалось, и русский гарнизон решил капитулировать. Начало переговоров сопровождалось скорее восточным, чем западным обычаем: в обмен на выход за ворота стрелецкого сотника и солдатского прапорщика «от графа Магнуса посланы были в оманатех в Кастер городок драгунского строя поручик да прапорщик». Условия капитуляции, выдвинутые со стороны русских, не вполне отвечали определению «почетная»: выходя во Псков с оружием, «з знамяны, и з барабаны, и с мушкеты», они оставляли в Кастере «наряд и зелье и свинец и фетиль и всякие пушечные и хлебные запасы». Деллагарди утвердил эти условия, предоставив гарнизону (роте солдат и сотне стрельцов) «лоды» и сопровождение по р. Амовже (Эмба) до Чудского озера в виде барабанщика и шести драгун. При этом старший офицер гарнизона – капитан Ян Рыц – остался по своей воле при шведском генерале, мотивируя это тем, что «яз, иноземец выезжей, не посмел ко Государю, Помазаннику Божию, ехать, русского языка не зная, чтоб мне перед ним, Государем, в вине своей оправдатца». Интересно, что капитан посчитал необходимым послать «грамотку, писана галанским письмом», своему полковнику Томасу Гейсу (юрьевского гарни-

зонного полка), где в оправдание описал свои усилия по защите крепости и возложил всю вину добровольной сдачи на русских солдат и стрельцов, вступивших в сговор со своими начальниками⁵². Вообще, нельзя исключать, что бойцы как очевидцы капитуляции дерптского гарнизона действительно сами соблазнились возможностью уцелеть в безнадежной, на их взгляд, обороне городка и самостоятельно выработали условия капитуляции. Поступок капитана был все равно воспринят как измена, а солдаты и стрельцы в наказание были отправлены на строительные работы в тот же Кастер после отступления шведской армии (разломавшей каменный замок до основания). И впоследствии, как и в случае с армией Шеина (1634), все факты добровольной сдачи ратных людей продолжали расцениваться как измена, вне зависимости от условий этой капитуляции.

Гораздо более частным поводом для контактов с противником являлся процесс обмена пленными. В ходе долгой войны с Речью Посполитой (1654–1667) подобные мероприятия: от поголовного освобождения всех «вязней» до размена по принципу равноценности и, возможно, даже за выкуп – проходили регулярно в ходе перемирий и затишья боевых действий. В этом плане интересны претензии, высказанные «комендантом» волонтерского полка Чернавского Яном Польским русскому поручику гусарского строя Зиновию Зубатому о нарушении правил размена пленными, отпущенными первоначально «на пароль» (июнь 1664 г.). Как следует из разъяснений самого поручика и псковского воеводы князя Ф.Г. Ромодановского, весной 1664 г. пленные дворяне Новгородского разряда Родион Кокошкин, Федот Лазарев и Федор Борисов были отпущены из волонтерских полков Чернавского и Либика Сержанта под честное слово явиться в Друю на Троицын день с конкретными польскими «взянями» из этих полков; сверх того, было отпущено еще порядка 20 человек. Нужных волонтерам сослуживцев, рассеянных по тюремным дворам разных городов, к условленному сроку найти не успели и привезли других (подходящих по мнению центральных властей), с обещанием скорой присылки остальных. Прибывших из Москвы пленных повез в Друю поручик Зубатый: «шляхту Яна Германа за Радиона Кокошкина, Станислава Енаровича з женою за Федота Лазорева, Томаша Войну за голову стрелетцкого за Федора Борисова». Далее, по словам поручика: «Как он, Зеновей, приехал с вязнями в полк в Быструмову слоботку за пять верст Друи, и ево де, Зеновья, с теми вязнями ис полку Чернавского встретили и приняли честно. И вязн[ей] де у

него, Зеновья, принял камендат не на розмену – на пароль. А в розмену де тех вязней за государевых людей, за которых они присланы, не поставил, а говорил ему, Зеновью, камендат Ян Полской, которому ныне полк приказан вместо Чернавского, что де з государевы стороны учинили не по-кавалерску: которые вязни государевы люди посланы на пароль, а хотели де всех польских вязней поставить на срок на Троицын день, и по се де время вязни их к ним в полк не присланы. И то де уч[и]нено паролю несодержанье. А у них де пароль содержан с их стороны по-кавалерску, отпущено на пароль сверх розмены человек з дватцать, и тут де они на тех людей не просили никою». Главной причиной неудовольствия послужило то, что присланные поляки были не нужны шляхте конкретно волонтерского полка Чернавского («а они де о тех взятых людех в письме своем и не писали, что де, Государь, те люди не их полку»); единственный боец их полка (Т. Война) оказался якобы «челядником», недостойным для размены на стрелецкого голову. В итоге комендант заявил, что не может принять присланных людей как «размену» за отпущенных под честное слово дворян и принимает их «на пароль» (также под честное слово) – без каких-либо дальнейших обязательств со своей стороны, поскольку сам ранее отпустил с новгородцами еще человек 20 «сверх розмены». Кроме того, Польский потребовал, чтобы отпущенный им Кокошкин не присылал разменных поляков только за себя, а «промышлял» бы обо всех, по поводу которых был заключен «кавалерский» договор – а до тех пор он считает русскую сторону нарушившей честную договоренность⁵³. Таким образом, русским воеводам и дворянам пришлось столкнуться со своеобразной щепетильностью противника, носившей вполне флибустьерскую окраску: эти волонтеры, воевавшие без жалования за добычу, беспокоились о выручке своих попавших в плен товарищей, оперируя при этом понятиями «кавалерской» чести и заключая договор об обмене со всей «государевой стороной» в целом. Разбираясь в причинах скандала, русским поневоле приходилось постигать значение принадлежности пленных не польскому королю вообще, а к сообществу шляхты одного из его полков, а также осваиваться с правилами отпуска «на пароль»...

Все культурные контакты подобного плана – явление уникальное и весьма ценное и по обилию источников, и по своему характеру. Западные обычаи не заменяли полностью прежние, к чему уже в XVIII в. нередко стремился царь Петр и его последователи – они

лишь включались в служебный обиход в виде более или менее значительных элементов. Наравне с ними продолжали существовать, а во времена Алексея Михайловича – даже возрождаться и расцветать, самобытные традиции русского воинства, ранее усвоенные элементы византийского и монгольского «царских» церемониалов; было сильно культурное влияние соседней Речи Посполитой.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1686 г., августа 5 и 7. «Сказки» капитана московских стрельцов Василия Редькина о нарушении полковником В. Полуехтовыми правил несения караульной службы

№ 1.

194-го августа в 5 день в верхнем городе Переясловле в приказной избе перед думным дворянином и воеводою, перед Васильем Даниловичем Мясново, стольника и полковника Володимерова полку Полуехтова капитан московских стрельцов Василей Редькин сказал.

В нынешнем во 194-м году августа в 4-м числе по указу Великих государей стоял я в верхнем городе Переясловле на плечовом карауле. И того ж числа в 1-м часу ночи, приняв слово у думного дворянина и воеводы, у Василья Даниловича Мясново, я, Василей, с начальными ж людьми, каторое слово по указу Великих государей мы принимаем и отдаем в верхнем городе Переясловле стольником и полковником и подполковником и начальным людем, а на караулах пятидесятником и десятником и всяким урядником к ночному времени для окликанья руннов, каторья посылаютца от думного дворянина и воеводы от Василья Даниловича Мясново по городу для береженья и досмотру караулов от неприятельских людей, потому что город Переясловль украинной и от неприятельских людей в ближних местех. И того ж часу для отдачи того слова по обыкновению ходил я, Василей, на двор к стольнику и полковнику в Володимеру Полуехтову, и он, стольник и полковник, того слова у меня, Василья, не принял и в хоромы к себе не пустил неведомо для чего. А человек ево Сенька Акинфов от него ис хором вышел, мне сказал: велел де тебе стольник и полковник сказать, что он спит. А он в то число не спал, и я, Василей, речь ево, стольника и полковника, в хоромех того часу слышал. А в том числе стояли по городу на карауле ево, Володимерова полку, стрельцы.

То моя и скаска. А сказку писал переясловской жилой рейтар Кирило Макеев.

Рукоприкладство на обороте: К сей скаске салдатского строю порутчик Тимофей Кононов сын Греченинов вместо капитана московских стрельцов Василья Максимова сына Ретькина по иво велению руку приложил.

№ 2.

194-го августа в 7 день в верхнем городе Переясловле в приказной избе перед думным дворянином и воеводою, перед Васильем Даниловичем Мясново стольника и полковника Володимерова полку Полуехтова капитан московских стрельцов Василей Редькин сказал.

В нынешнем во 194-м году августа в 6-м числе в первом часу ночи, по указу Великих государей приняв слово у думного дворянина и воеводы, у Василья Даниловича Мясново, я меж своей братьи капитанов же по очереди своей с начальными ж людьми, каторое слово по указу Великих государей мы принимаем и отдаем в верхнем городе Переясловле столником и полковником и подполковником и начальным людям, а на караулах пятидесятником и десятником и всяким урядником к ночному времени для окликанья рунов, каторья посылаютца от думного дворянина и воеводы от Василья Даниловича Мясново по городу для береженья и досмотру караулов от неприятелских людей, потому что город Переясловль украинной и от неприятелских людей в ближних местех. И того ж часу для отдачи того слова по обыкновению ходил я, Василей, на двор к стольнику и полковнику в Володимеру Полуехтову, и он, стольник и полковник, того слова у меня, Василья, не принял и в хоромы к себе не пустил неведомо для чего. А человек ево Васка Колмык, от него ис хором вышел, мне сказал: велел де тебе стольник и полковник сказать, что он спит, и слово принесть велел завтра. И я, Василей, тому ево человеку сказал, что завтра будет другое слово. А он в тое число не спал, и я, Василей, речь ево, Володимерову, в хоромах того часу слышал. То моя и скаска. А скаску писал переясловской рейтар Кирило Макеев.

Рукоприкладство на обороте: К сей скаске салдатского строю порутчик Тимофей Кононов сын Греченинов вместо капитана московских стрельцов Василья Максимова сына Ретькина по иво велению руку приложил.

РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 735.

Ст. 2. Л. 39, 40.

- ¹ Точнее, немецкие конные роты закончили свое существование в 1653–1654 гг. (см.: Курбатов О.А. Очерк истории конных полков «нового строя» русской армии от начала их существования до окончания русско-шведской войны 1656–1658 гг. // Единогорь: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. М., 2014. Т. 3. С. 91–103).
- ² Яковлев Л. Русские старинные знамена. М., 1865. Ч. I. С. 71–75.
- ³ Акты Московского государства. Т. 3. СПб., 1901. С. 450 (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 332. Л. 512–514; все следственное дело имеет гораздо больший объем).
- ⁴ Поход Его Королевского Величества в Москву [Россию] // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. СПб., 1872. Т. I. Стб. 465, 466 (записи за 25 и 27 октября 1609 г.).
- ⁵ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 270. Ч. I. Л. 519, 582, 583.
- ⁶ В частности, в списке условий капитуляции гарнизона Дерпта боярину кн. А.Н. Трубецкому (12 октября 1656 г.) содержится пункт об оставлении в крепости неких «знамен и штандартов», захваченных дерптцами во время вылазок (Bienneman F. Briefe und Aktenstücke zur Geschichte der Verteidigung und Kapitulation Dorpats 1656. Riga, 1896. S. 587).
- ⁷ Gründliche und warhaftige Relation von der Belagerung der Konigl. Statt Riga in Liefland. Riga, 1657. L. 26 – 28.
- ⁸ Так, примерно из 130 начальных людей всех четырех солдатских полков в бою 2 октября пострадало всего двое (попал в плен смертельно раненый полковник Е. Цыклер и погиб капитан из полка Т. Далиеля (бывшего Ф. Траферта)) (РГАДА. Ф. 210. Книги Московского стола. № 57. Л. 75, 83); в драгунском полку Х. Юнкмана погибло 4 рядовых и получили ранения два капитана и 39 урядников и рядовых (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 296. Л. 301–304).
- ⁹ Гордон П. Дневник. 1690–1695. М., 2014. С. 393 (запись за 29 августа 1605 г.).
- ¹⁰ Курбатов О.А. Тихвинское осадное сидение 1613 г. М., 2006. С. 18 (трофейные черкасские знамена у вольных казаков); РГАДА. Ф. 210. Опись 8 (Разрядные вязки). Вязка I. № 112. Л. 5 (трофейное «знамя велижское» у сотни Новгородского полка в 1655 г.).
- ¹¹ Яковлев Л. Русские старинные знамена. Ч. I. С. 78.
- ¹² Гордон П. Дневник, 1659–1667 / Пер. и коммент. Д.Г. Федосова. М., 2002. С. 110.
- ¹³ Полки были образованы в 1646 г.
- ¹⁴ Орленко С.П. Выходцы из Западной Европы в России XVII века: Правовой статус и реальное положение. М., 2004. С. 187, 188, 285–287.
- ¹⁵ Козляков В.Н. Служилый «город» Московского государства XVII века (от Смуты до Соборного уложения). Ярославль, 2000. С. 126; Эскин Ю.М. Местничество в России XVI–XVII вв.: Хронологический реестр. М., 1994. С. 183–193; Акты Московского государства. СПб., 1894. Т. 2. С. 253–255; Записная книга Московского стола. 1648–1649 г. // Русская историческая библиотека. СПб., 1888. Т. 10. С. 462–463.
- ¹⁶ Книги разрядные, по официальным оных спискам... СПб., 1853. Т. I. Стб. 56.
- ¹⁷ Роты были из состава полка или «четвертой тысячи» рейтарского строя полковника-иноземца Василия Кречетникова, которая входила в состав Сторожевого воеводского полка боярина кн. Темкина-Ростовского.

- ¹⁸ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 589. Л. 563–565, 601.
- ¹⁹ Слово вписано над строкой.
- ²⁰ РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. № 166. Л. 116, 117.
- ²¹ См.: Курбатов О.А. Морально-психологические аспекты тактики русской конницы в середине XVII века // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2003/2004. Новые научные направления. М., 2005. С. 193–213.
- ²² Под «лавой», в данном случае, понимается линейное построение батальонов и эскадронов «нового строя».
- ²³ РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. № 166. Л. 117, 118.
- ²⁴ «Перевод с галансково письма, что подал боярину Илье Даниловичу Милославскому рейтарсково строю полковник Исак фан Буковен...» // Российский архив. М., 1996. Вып. VI. С. 6–9.
- ²⁵ РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. № 86. Ч. I. Л. 281–291.
- ²⁶ Запись в дневнике за 2 февраля 1687 г. – лист 158 (Гордон П. Дневник, 1684–1689 / Пер. и коммент. Д.Г. Федосова. М., 2009). Автор искренне благодарен Д.Г. Федосову за возможность ознакомиться с новейшим переводом дневника.
- ²⁷ К относится традиционное благословение войск Патриархом при прохождении через Кремль, путь их шествия (Левыкин А.К. Воинские церемонии и регалии русских царей. М., 1997. С. 18–41), одевание в доспехи, специально сшитые из разных монастырей (Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией Императорской Академии Наук. СПб., 1836. Т. IV. С. 103).
- ²⁸ Курбатов О.А. Полк Антония Грановского в походе 1654 г.: о положении иноземных специалистов инженерного и артиллерийского дела в русском войске // Иноземцы в России в XV–XVII веках: Сборник материалов конференций 2002–2004 гг. М., 2006. С. 316–335.
- ²⁹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 286. Л. 143–145, 211, 212 (грамоты от 2 марта 1654 г.).
- ³⁰ Этот порядок был описан, в частности, в инструкции Исаака Фанбуковена 1651 г. («Перевод с галансково письма...»)... С. 6–8).
- ³¹ РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. № 86. Ч. I. Л. 284, 285.
- ³² Сопровождение осадного парка снабжалось кремневыми ружьями, а не фитильными, чтобы не допускать тлеющего фитиля рядом с порохowymi бочками; кремни и шомпола вынимались во избежание случайного выстрела.
- ³³ Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656–1671. М., 2006. С. 336, 337.
- ³⁴ Паласиос-Фернандес Р. Музыканты выборных московских солдатских полков: К вопросу о ношении западноевропейской одежды в Москве XVII в. // Цейхгауз: Военно-исторический журнал. М., 1998. № 7 (1/1998). С. 7–9.
- ³⁵ Малов А.В. Московские выборные полки... С. 385.
- ³⁶ Дворцовый полк – первоначальное название Второго или Бутырского выборного полка солдатского строя, который в административном плане ведался приказом Тайных дел и придворным Конюшенным приказом.
- ³⁷ Гордон П. Дневник. 1659–1667. С. 139.
- ³⁸ Даже в начале XVIII в. встречались возражения практике единовременной стрельбы строем (как «на банкете веселостном»), перешедшей из области парадной в боевую: Посшков И.Т. О ратном поведении (1701 г.) // Книга о скудости и богатстве и другие сочинения / Ред. Б.Б. Кафенгауз. М., 1951. С. 245–272.

- ³⁹ Акты Московского государства. Т. 2. С. 422, 423.
- ⁴⁰ Medeksza S. Księga pamiętnicza wydarzen zaszlych na Litwie 1654–1668. Krakow, 1875. S. 73.
- ⁴¹ Учение и хитрость ратного строения пехотных людей. СПб., 1904. С. 278, 279.
- ⁴² РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 735. Ст. 2. Л. 36–38.
- ⁴³ «Учение и хитрость...». С. 264–266 (глава 5 восьмой книги, «Про круговой ход»).
- ⁴⁴ Соловьев С.М. Сочинения. М., 1990. Книга V. История России с древнейших времен. Т. 9–10. С. 593.
- ⁴⁵ «Перевод с галансково письма...». С. 9 (комментарии А.В. Малова).
- ⁴⁶ Гордон П. Дневник. 1659–1667. С. 103, 105.
- ⁴⁷ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 549. Л. 205.
- ⁴⁸ Курбатов О.А. Писано кровью: к истории правил техники безопасности по обращению с огнестрельным оружием в середине XVII века [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2012. Т. I. С. 239–242, 249–253. < <http://www.milhist.info/2012/05/04/kyrbatov> > (04.05.2012); РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 549. Л. 76–82.
- ⁴⁹ В военной терминологии того времени верхнее оружие – мушкеты и пики, а нижнее оружие – шпаги или тесаки и кинжалы.
- ⁵⁰ Bienneman F. Briefe und Aktenstücke zur Geschichte der Verteidigung und Kapitulation Dorpats 1656. Riga, 1896. S. 586–588.
- ⁵¹ Скорейший уход гарнизона отвечал планам боярина, извещенного об отступлении царской армии от Риги и получившего в связи с этим указ об отходе от Юрьева Ливонского в случае неудачи осады.
- ⁵² РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 165. Л. 80, 81, 85–98.
- ⁵³ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 349. Л. 411–416.